

В. В. Есипов¹

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ И ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ: ДВА ЛАГЕРНИКА, ДВА РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТА²

По правде говоря, я полагал, что тематика моего выступления больше тяготеет к истории, нежели к литературоведению или культурологии. Заявленная тема — только часть большого и важного вопроса о духовных связях Д. С. Лихачева (1906–1999) и В. Т. Шаламова (1907–1982) в пространстве русской культуры (этот вопрос заслуживает серьезных и глубоких исследований, которые, будем надеяться, со временем появятся). Пока же ограничимся материалом, что лежит почти на поверхности и требует предварительного осмысления.

Сохранился уникальный документ, непосредственным образом связывающий судьбы академика и писателя. Речь идет о письме Лихачева Шаламову от 20 сентября 1979 г. Это было последнее из множества писем, полученных автором «Колымских рассказов» от разных людей в течение жизни. Последним в соответствии с хронологией оно опубликовано и в шестом томе собрания сочинений Шаламова, включающем его переписку. Факт сам по себе символический, но важнее всего содержание этого маленького письма:

«Дорогой Варлам Тихонович, захотелось написать Вам. Просто так!

У меня тоже был период жизни, который я считаю для себя самым важным. Сейчас уже никого нет из моих современников и “соотечественников”. Сотни людей слабо мерцают в моей памяти. Не будет меня, и прекратится память о них. Не себя жалко — их жалко. Никто ничего не знает. А жизнь была очень значительной.

Вы — другое дело. Вы выразили себя и свое.

Об этом только и захотелось написать Вам.

Ваш Д. Лихачев».

Сам тон этого письма, наполненного и собственными печальями, и глубочайшим уважением к писа-

телю, вряд ли мог быть иным, учитывая совершенно особую ситуацию. Напомним, что к тому времени Лихачев обладал огромным общественным авторитетом. А обращался он к писателю, отринутому и властью, и обществом. Надо учитывать, что Шаламов в это время находился в крайне тяжелом — и физически, и морально — состоянии, которое вернуло его к состоянию колымского доходяги (но уже с учетом необратимых последствий 72-летнего возраста, почти полной глухоты и слепоты). Еще в мае 1979 г. он был помещен в дом престарелых и инвалидов на улице Лациса в Москве. Когда Лихачев об этом узнал — скорее всего через знакомых литераторов, — он направил свое письмо именно на адрес последнего казенного пристанища Шаламова. И. П. Сиротинская, постоянно навещавшая писателя, сообщила автору этих строк, что, когда она увидела письмо академика на тумбочке в палате, оно было раскрытым, то есть была вероятность, что Шаламов мог его с чьей-то помощью прочесть, по крайней мере ощутить доброжелательный посыл. О написании ответа, учитывая состояние писателя, уже не могло быть и речи.

Вряд ли Д. С. Лихачев догадывался о настоящей степени тяжести всего положения Шаламова. Но письмо можно считать знаком высочайшего благородства с его стороны — стремления протянуть дружескую руку в несчастье, «помочь в немой борьбе» (А. Блок).

Важна в этом письме простота и ясность высокой оценки, которую давал творчеству Шаламова величайший знаток русской литературы. Эта оценка неслась в себе два неразделимых в России измерения — нравственное и художественное. Именно такой смысл заключен в словах: «Никто ничего не знает... Вы — другое дело. Вы выразили себя и свое». Ведь многие, прошедшие через лагеря, остались немые, откладывая свои свидетельства о пережитом на извечное русское «до лучших времен» (себя Лихачев, как видим, не исключал из их числа — его полные воспоминания о Соловках создавались гораздо позже).

¹ Журналист Вологодской государственной телекомпании, писатель, краевед, историк русской культуры, кандидат культурологии.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 08-03-12112в.

Умение «выразить себя и свое» дано только большому художнику, а не безыскусному летописцу. Автор «Поэтики древнерусской литературы» понимал это более, чем кто-либо. Исследователям еще предстоит проанализировать, как соотносятся поэтика прозы Шаламова с теми процессами в древнерусской литературе, которые проследил великий ученый, — на примере, скажем, сопоставления проблемы художественного времени у летописцев и у протопопа Аввакума — любимого исторического героя и Шаламова, и Лихачева. Потрясающая поэма Шаламова «Аввакум в Пустозерске» не могла пройти мимо внимания ученого, внимательно следившего за современной литературой. Недаром он закончил главу о неистовом протопопе в своей академической книге вполне шаламовской по духу метафорой: «Аввакум горел на огне, жегшем его изнутри...»¹

Уже обозначенных нами моментов достаточно, чтобы говорить не только о большой степени духовного родства писателя и ученого, но и о своего рода постоянной перекличке их во времени и пространстве (хотя они не были лично знакомы и никогда не встречались). Не случайно Д. С. Лихачев стал автором ряда предисловий к первым публикациям произведений Шаламова в конце 1980-х гг. — фактически «пробивал» их в достаточно зыбкое время, и недаром именно в журнале «Наше наследие», выходявшем под эгидой Фонда культуры, который он возглавлял, впервые появилась в свет в 1988 г. «Четвертая Вологда» (стоит заметить, что к старинной Вологде академик питал особую любовь, о чем говорил во время своего приезда в город в 1978 г.).

Вся эта неустанная забота об особо ценимом писателе может иметь и личные, биографические, и исторические, и духовно-культурные объяснения.

Во-первых, они были не просто людьми одного поколения, а ровесниками — будущий академик родился всего на полгода раньше будущего писателя, 28 ноября 1906 г., а Шаламов — 18 июня 1907 г., и их столетия, отмечавшиеся недавно, почти совпадают. Во-вторых, с ранних лет оба проявили блестящие способности в области гуманитарных наук (главным образом, в литературе) и впитали в себя высокие понятия о нравственности и чести, свойственные традициям русской интеллигенции. В связи с этим нельзя не вспомнить печальный афоризм Шаламова: «Русская интеллигенция без тюрьмы, без тюремного опыта — не вполне русская интеллигенция». В отношении Лихачева (хотя, может быть, и не зная подробностей биографии ученого) Шаламов стопроцентно угадал.

В письме 1979 г. в словах академика, что у него «тоже был период, который он считает самым важным для себя», нельзя не увидеть знака общности судеб. Конечно, Дмитрий Сергеевич ясно осознавал, какая пропасть лежала между его Соловками и шаламовской Колымой. Но за плечами Лихачева было еще одно тяжелое испытание — ленинградская блокада. Она унесла гораздо больше жизней, чем Колыма. Лихачев не проводил таких параллелей, но те, кто прочтут его воспоминания о блокаде и сравнят

их с «Колымскими рассказами» Шаламова, найдут немало общего. «Только умирающий от голода живет настоящей жизнью, может совершить величайшую подлость и величайшее самопожертвование, не боясь смерти. Мозг умирает последним: тогда, когда умерла совесть, страх, способность двигаться, чувствовать — у одних и когда умер эгоизм, чувство самосохранения, трусость, боль — у других»² — это ли не парафраз шаламовской прозы?

Но надо говорить, наверное, не только о том, что они оба пережили, но и о том, кем они стали после всех перенесенных испытаний. Ведь и бывшие заключенные вели себя по-разному. Существовали люди, которые сделали лагерную тему способом самоутверждения, им было свойственно и бахвальство своим опытом, тюремно-блатной субкультурой. (Пример, увы, может составить А. И. Солженицын, с аффектацией заявлявший: «Мои навыки — каторжанские» и много раз прибегавший в своей деятельности к так называемому «раскидыванию чернухи», к методам самопиара.)³ Ничего подобного мы не замечаем ни у Лихачева, ни у Шаламова. И это тоже признак настоящей русской интеллигентности. Как известно, будущий академик написал свою первую научную работу именно на Соловках и посвятил ее изучению особенностей уголовного жаргона. Под выразительным названием «Черты первобытного примитивизма воровской речи» она была опубликована в 1935 г. в научном сборнике «Язык и мышление». «Очерки преступного мира» Шаламова (1960) также можно назвать исследованием. Единственное, что их отличает от научного подхода Лихачева, — эмоциональное, яростно-непримиримое отношение к блатному миру.

Никто не отважится утверждать, что Д. С. Лихачев не смог реализовать себя как ученый в советский период. Скорее, наоборот — вопреки всем обстоятельствам времени и благодаря тому, что он занимался фундаментальными, не сиюминутным проблемами, ему удалось проникнуть в глубины русской истории, понять ее изнутри, на основании опыта столетий (тысячелетий), когда бывали и еще более суровые лихолетья. О том, что для Д. С. Лихачева сохранение российской культуры было смыслом всей жизни, прекрасно известно всем. Но той же идеей жил по большому счету и В. Т. Шаламов, когда создавал свои философские стихи, рассказы и эссе. Свою приверженность традициям «лучших людей России» он демонстрировал и гордым, независимым поведением. Знаменательны его слова в письме 1965 г. к Н. Я. Мандельштаму (1899–1980): «Утрачена связь времен, связь культур — преемственность разрублена, и наша задача восстановить, связать концы этой нити».

Нельзя не коснуться еще одной острой проблемы, близкой Лихачеву и Шаламову, — о противоречиях русского национального характера, о его не только положительных, но и отрицательных чертах. Одна из последних крупных статей академика, написанная в 1994 г., многозначительно

² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1999. С. 344.

³ Более подробно об этом см. в монографии автора: «Варлам Шаламов и его современники» (Вологда, 2007), а также в кандидатской диссертации «Диалог “художник и власть” как инновационный ресурс культуры», защищенной в СПбГУП в 2007 г.

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 339.

называлась — «Нельзя уйти от самих себя». С одной стороны, она — против исторической напраслины на русский народ и самоуничтожения (это продолжение темы известных «Заметок о русском»), но с другой — в статье необычайно трезвый и критический взгляд на негативные черты национального характера, проявившиеся и в Новейшее время: «Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем... Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека. Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием вызывало и вызывает до сих пор в русской истории десятки самозванцев... Несчастье русских — в их легковерии»¹.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Почему Вы относите тему своего доклада более к исторической, нежели к культурологической или историко-литературной?

В. В. ЕСИПОВ: — На мой взгляд, спекуляция на лагерной теме во многом определила исторические судьбы нашего государства советского периода. В 1970–1980-е гг. во многом благодаря пропагандистской эксплуатации данной темы на Западе в условиях холодной войны, информационной, психологической эксплуатации Советский Союз был дискредитирован. Так называемая «лагерная» литература оказала глубокое воздействие на западное сознание. Именно появление «Архипелага», по утверждению Пьера Нура, привело к коренной дискредитации СССР. Это очень животрепещущая тема, поскольку подобные спекуляции продолжаются до сих пор¹.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — То есть творчество Шаламова для Вас есть одно из доказательств того, что деятельность Солженицына имеет пропагандистский характер?

В. В. ЕСИПОВ: — Он был против спекуляции, недаром он выступил с письмом в «Литературной газете» в 1972 г., за которое его отлучили, так сказать, «от прогрессивного человечества», которое он глубоко презирал (у него был такой термин «ПЧ» — прогрессивное человечество). Он говорил, что «прогрессивное человечество» состоит наполовину из дураков, наполовину из стучаек, но дураков нынче мало. Он имел в виду всю эту дисидентскую публику. Он всегда выражался, знаете ли, прямо и довольно резко. В условиях холодной войны он занимал четко выраженную патристическую позицию, что было важно, что составляет его достоинство на сегодняшний день и на вечные времена.

Ю. А. АСОЯН: — Вы родились в 1950 г., значит, в лагере не сидели, поэтому странно как-то слышать ваши слова, что у Солженицына небольшой

Здесь много сходства с мыслями Шаламова. Конечно, у автора «Колымских рассказов» взгляд на проблемы русской истории, на национальный характер гораздо жестче, можно сказать, пессимистичнее и часто наполнен горькой трагической иронией. Причем он писал еще и о «несчастье русской литературы», которая, по его словам, «лезет не в свои дела, ломает чужие судьбы, высказывается по вопросам, в которых она ничего не понимает...» Здесь, пожалуй, Д. С. Лихачев не во всем согласился бы с Шаламовым. Но самое важное, что направление мысли у писателя и у академика — общее, критическое (антимифологическое), и это надо учитывать нам, потомкам великих и взыскательнейших людей русской культуры.

* * *

лагерный опыт. Лагерный опыт, вероятно, не бывает небольшим.

В. В. ЕСИПОВ: — Я в лагере не сидел. Но я основываюсь на сопоставлении лагерного опыта Шаламова, Домбровского и многих других. И сам Александр Исаевич после создания «Одного дня Ивана Денисовича» признавался Шаламову: «Я о лагере больше писать не буду. Ведь мой опыт по существу четырех лет благополучной жизни». Мы знаем, что этот опыт — шаражка, работа нормировщиком, библиотекарем и т. д. А у Шаламова — общие работы с кайлом где-то на Колыме. Вот посему нас и тянет в историю. Это за пределами филологии.

Ю. А. АСОЯН: — Вы сами писатель, и знаете, что опыт писателя — это не только его собственные переживания...

В. В. ЕСИПОВ: — Безусловно. Можно провести лишь месяц где-то и написать об этом роман. Но можно и вообще не писать.

А. И. ФИЛАТОВА: — Известно, что в лагере на Соловках выходил журнал «Соловецкие острова», в котором вышли в свет первые произведения Лихачева. Там печатались и другие авторы. Позиция этого журнала была достаточно широкая, журнал пользовался огромной популярностью и за пределами лагеря, поскольку существовала подписка на него. Я прочитала все выпуски этого журнала и поняла, что у людей настроение было очень разным: от печального, грустного, как у Шаламова, до весьма оптимистического, как у подавляющего большинства авторов, публиковавшихся в этом журнале. Это великолепное издание, в котором были и научные интересные публикации, и театральные, и др.

В. В. ЕСИПОВ: — Соловки — это 1929 г., а Колыма — 1937 г., однако и там издавалась газета «Колымская правда», в которой призывали к уничтожению врагов народа. То есть и там тогда еще была полная «свобода слова».

¹ Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя...: историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120.